

УДК 94(470)«13/16»:159.923.2

Маленко

Сергей Анатольевич,
доктор философских наук,
заведующий отделением
философии и культурологии,
заведующий кафедрой
теории, истории
и философии культуры
Новгородского
государственного
университета имени
Ярослава Мудрого,
Россия, 173003,
Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-
Петербургская, 41.
E-mail: olenia@mail.ru

**ПСИХОИСТОРИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
КОМПЛЕКСОВ В МЕНТАЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ
PSYCHO-HISTORICAL RIVALRY OF COMPLEXES
IN MENTALITY OF THE RUSSIAN AUTOCRACY**

С.А. Маленко

S.A. Malenko

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Россия
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
E-mail: olenia@mail.ru

Статья посвящена оригинальной психоаналитической интерпретации становления российской государственности и самодержавия, которая ранее не проводилась в материале русского Средневековья. Автор впервые обращается к психоисторической концепции генезиса самодержавия: от формирования Московского централизованного государства до наших дней. Этот

подход опирается на зарубежные психоисторические исследования, начатые Л. Де Мозом, и представляет новую и актуальную стратегию социокультурных исследований.

Результаты. История страны предстает как хронология бессознательной конкуренции ведущих психических комплексов российской ментальности. Во-первых, это «новгородский комплекс неполноценности московской аристократии» – итог активного противостояния Москвы и Новгорода, вплоть до падения вечевой республики. Вторым сценарием, вытесняющим «новгородский комплекс», стал «западный комплекс превосходства». Он воспроизводил колониальное отношение империи к своей территории. Третья грань психоистории самодержавия связана с многовековым противостоянием татаро-монгольскому нашествию. Социально-политический уклад татар и других степняков очень сильно повлиял на отечественную культуру, язык и политическую традицию. Он проявился в абсолютно бессознательном комплексе «завистнического сравнения», открытым Т. Вебленом. Московская аристократия без централизованного государства вынуждена сублимировать психоисторический конфликт в форме рационализированной, православно-адаптированной идеологии. В ней была сублимирована и кочевая модель управления геополитическими пространствами, принудительно наложенная на традиционный земледельческий общинно-родовой уклад Древней и Средневековой Руси. Последующая история XV–XVI вв. лишь подтверждает факт сублимации комплексов неполноценности и завистнического сравнения по отношению к татарам. Устойчивые бессознательные конфликты трансформировались в сакрализованную православием доктрину московского самодержавия. Влияние исторического опыта Золотой Орды на Московскую Русь предопределило стратегию «завистнической» сублимации московской элитой собственного «степного» комплекса и окончательного отказа от социокультурных уроков и исторической перспективы познания «новгородского» комплекса.

Ключевые слова: психоистория самодержавия, бессознательное, русская ментальность, сублимация, вытеснение, «новгородский комплекс неполноценности московской аристократии», «западный комплекс превосходства», «степной комплекс».

The article is devoted to the original psychoanalytic interpretation of formation of Russian statehood and autocracy, which was not previously conducted in the material of the Russian Middle Ages. The author first turns to the psychohistorical concept of autocracy genesis: from the formation of the Moscow centralized state to the present day. This approach is based on foreign psychohistorical studies initiated by L. De Moes, and they represent a new and relevant strategy for sociocultural research.

Results. The history of the country appears as a chronology of the unconscious competition of the leading mental complexes of the Russian mentality. Firstly, it is the «Novgorod complex of inferiority of the Moscow aristocracy» – a result of the active confrontation between Moscow and Novgorod until the fall of the veche republic. The second scenario, replacing the «Novgorod complex», was the «Western complex of superiority». It reproduced the colonial attitude of the empire to its territory. The third facet of the psychohistory of the autocracy is related to the centuries-old confrontation to the Tatar-Mongol invasion. The socio-political structure of the Tatars and other steppe people greatly influenced the national culture, language and political tradition. That was manifested in the completely unconscious complex of «envious comparison» discovered by T. Veblen. Moscow aristocracy, without a centralized state, is forced to sublimate the psychohistorical conflict in the form of a streamlined, orthodoxly adapted ideology. It also sublimated the nomadic model of managing geopolitical spaces, compulsorily imposed on the traditional, agricultural, communal-tribal way of Ancient and Medieval Russia. The subsequent history of the XV–XVI centuries only confirms the fact of sublimation of complexes of inferiority and envious comparison with respect to Tatars. The steady unconscious conflicts were transformed in the doctrine of Moscow autocracy, sacralized by Orthodoxy. The influence of the historical experience of the Golden Horde on Moscow Rus predetermined the strategy of «envious» sublimation of the «steppe complex» by Moscow elite, and final abandonment of sociocultural lessons and historical perspective of the «Novgorod complex».

Key words: psychohistory of autocracy, unconscious, Russian mentality, sublimation, repression, «Novgorod complex of inferiority of the Moscow aristocracy», «Western complex of superiority», «steppe complex».

Ментальность, разлитая в культуре и обыденном сознании [1], является результатом развития комплекса исторических противоречий, с которыми сталкивается этнос. Представляя собой совокупность психических остатков коллективного бытия, она несет на себе отпечаток общих закономерностей развития форм восприятия и осознания мира. Однако и индивидуальный духовный опыт выступает ее необходимым компонентом, поэтому любой человек, адаптируясь в социокультурной среде, вырабатывает в отношении нее сложную конфигурацию психических реакций. Именно в них фиксируются знания и чувства, которые отражают индивидуальный способ бытия человека и стратегию его поведения. Последняя представлена совокупностью *комплексов* как эмоционально заряженных содержаний [2], поведенческих стереотипов [3], устойчивых способов реакции на внутренние и внешние противоречия, в которых устанавливается мера допустимого и запретного, обуславливающая модели интерпретации действительности и поступков в отношении нее.

Любой этнос, в том числе русский, в своем развитии воспроизводит логику развития индивида, а значит, склонен к определению наиболее значимых стратегий становления коллективного духа. Подобно тому, как индивид своими комплексами, которые являются естественными фокусными точками «сбора психических событий» [4], способен либо активно взаимодействовать с окружающим миром, либо игнорировать, а также полностью отрицать его существование, так и общество на протяжении своего исторического развития также способно продуцировать некие неосознаваемые способы реакций на действительность, которые тем не менее «совокупно выражали внутренний закон русской ментальности» [5]. Любой психолог подтвердит, что сложность обстоятельств жизни всячески способствует формированию закомплексованого человека, не-свободного в своих мыслях и поступках.

Точно так же и этносы, равно как и любые другие социальные общности, несут на себе отпечаток своего исторического прошлого, выступают некими итогами тех осознанных, и неосознанных противоречий, с которыми их сталкивали исторические судьбы. А значит, по характеру наличной исторической реальности этноса можно судить о динамике его ментальной напряженности, которая обуславливает характер продуцируемой им картины мира, религиозных, социально-политических и идеологических доктрин.

В итоге мы можем определить меру свободы или несвободы человека, принадлежащего к тем или иным этносам и культурам. И если психолог, изучая индивидуальные комплексы, стремится скорректировать жизненные стратегии человека, то анализ ментальных «комплексов» не только позволяет обществоведам выявить «историческую мотивацию» [6] и закономерности психоисторического прошлого этноса, но и достоверно прогнозировать перспективы его развития. Подобная психоисторическая диагностика любой социокультурной общности в тот или иной период ее развития всегда предоставляет исследователю уникальную возможность посмотреть на ее историю не только как на линейную хронологию фактов и событий, но попытаться осуществить их феноменологическую реконструкцию, превратив далекое прошлое в драму живых людей, творящих историю здесь и сейчас [7].

Многочисленные исследователи отечественной истории не случайно отмечают, что насчитывающий более чем четыре века опыт Новгородской вечевой республики достиг пика своего развития в XIV веке. Всплеск культурной, экономической и политической жизни, известный как на Руси, так и в Европе, явился уникальной предпосылкой для формирования социальной общности особого типа. «Республиканский Новгород, – пишет Л. Гумилев, – временами вообще переставал считать себя частью Русской земли, имея все шансы превратиться в особый славянский этнос. Новгородцы, обладая более высокой пассионарностью и сохранив традицию вечевого правления, противопоставляли себя всей остальной Руси – “низовским землям”» [8]. В то же время становящаяся Московская Русь изначально тяготела к объединению под своим началом, в первую очередь «огнем и мечем», всех сопредельных с Москвой удельных княжеств, с созданием в перспективе духовно, экономически и политически единого пространства под своим протекторатом. Апробированный еще с самого начала существования Московского княжества, принцип централизации посредством физического принуждения, сопровождавшегося захватами, грабежами, торгами и подкупам, впоследствии ложится в основание Московского государства в качестве самодержавия.

Активное сопротивление Новгорода жестокой захватнической политике Московского княжества обусловило эскалацию взаимного непонимания москвичей и новгородцев, а также еще большее расхождение московского и новгородского сценариев собирания и управления территориями. Даже в тот период, когда земли Новгородской республики были включены в состав Московского государства и утратили всякую самостоятельность, антипатии московской знати к Новгороду и всему новгородскому не только сохранились, но и усилились.

Можно предположить, что вековое, кровавое противостояние с Новгородом сформировало у московских правителей некий устойчивый *бессознательный комплекс неприятия инакомыслия* и связанного с ним любого другого, *иного* способа жизни. Эта установка оформилась в *комплекс неполноценности московской аристократии*, что обусловило не только агрессивность Москвы по отношению к самому Новгороду, но и ко всему тому, что, так или иначе не укладывалось в самодержавную по своей сути доктрину Московского централизованного государства. Можно с уверенностью утверждать, что именно *новгородский комплекс* составил ментальный фундамент модели московского самодержавия, который в период правления династии Романовых еще более обострился. Усугубленный столетиями правления династии Романовых *новгородский комплекс* стал фактическим принципом действия российского самодержавия, в институциональных объективациях которого постоянно воспроизводился принцип новгородской вечевой вольницы. Московский соборный мессианизм того периода в этом контексте аналогичен ситуации в Германии во время прихода к власти А. Гитлера.

В. Одайник, анализируя подобную ситуацию, замечает, что «немцы теперь убедились, что обрели своего *мессию*, спасителя, которого они ожидают со времен поражения в мировой войне. Эта отличительная особенность людей с комплексом неполноценности. До некоторой степени положение немцев необыкновенно напоминает положение евреев древности» [9], как впрочем, и положение Московского государства в отечественной истории.

Показательно, что практика российского самодержавия не только никогда не пыталась преодолеть этот комплекс, но, напротив, всегда выстраивала вокруг себя систему политико-идеологической аргументации, которая была направлена на обоснование истинности московской самодержавной модели власти и ложности новгородской, как, впрочем, и любой другой (тверской, рязанской, псковской и т. д.). Авторитарная самодержавная московская модель, вплоть до конца XIX века, сковала социально-политическую и культурную жизнь России, а социальные катаклизмы начала XX века были логическим следствием объективированного *комплекса московской неполноценности*. Трудно даже предположить, каким бы путем пошло развитие России, если бы великие московские князья попытались осознать или хотя бы сублимировать выдающиеся достижения Новгородской вечевой республики, а не превратить их вытесненную модификацию в конфликтную, политико-идеологическую платформу самодержавной власти. Таким образом, деструктивные психические процессы в русском коллективном бессознательном на столетия вперед определили вектор формирования социокультурной и институциональной консервации самодержавия. Показательно, что они оказались настолько глубинными, что и сегодня, в начале XXI века продолжают оказывать свое влияние на наших современников.

Внутренние ментальные противоречия, существовавшие в древней и средневековой русской культуре, несомненно, подвергались трансформации и под влиянием внешних факторов. Восприятие средневековой Руси ее ближайшими и отдаленными соседями тоже имело неоднозначный характер. Продолжительные военные кампании на севере, западе, востоке и юге Московского государства были не только следствием захватнических интересов княжеской элиты, основывавшихся преимущественно на желании властного утверждения в глазах соседей и получения материальной выгоды, но и были связаны с познавательным любопытством, со стремлением раздвинуть привычные горизонты мира. Западное открытие Руси-России имело весьма неоднозначный характер. Люди, населяющие вновь открытые европейцами пространства материка, казались враждебно настроенными чужаками. Результатом таких оценок было формирование общезападных установок по поводу восприятия Руси. Западный первооткрыватель повторял закономерности, характерные для эпохи Великих географических открытий: его миссия состояла в необходимости всеми силами и средствами «цивилизировать» дикие народы, которыми на сей раз оказались русские.

Западному просвещенному «цивилизатору» было привычнее всего рассуждать приблизительно так: «Россия есть «далекая, полуварварская империя», «олигархия восточных сатрапов», страна «деспотизма, подмявшего под себя сто миллионов людей», «огромное военное государство, основанное и управляемое мечом, эксцентричное, наполовину оевропеившееся» [10]. Так сформировался комплекс превосходства западного обывателя, который концентрировал и консервировал в себе исторические стереотипы мессианизма и стал внутренним двигателем социальных стратегий коммуникации Запада и Руси. Для этого бессознательного комплекса превосходства характерна определенная установка, состоящая в том, что «этика истины», как кредо западной цивилизации, «смолкает, как только дело коснется России. Европейцам «нужна» дурная Рос-

сия: **варварская**, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленить; **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно-разлагающаяся**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии» [10]. Подобные исторические стереотипы и сегодня активно циркулируют в оценках европейцев и американцев, для которых все россияне – русские, а сама Россия – представлена набором брендов: матрешка, водка, балалайка, медведь. Безусловно, при таких ментальных установках российская культура всегда будет выглядеть примитивной, дикой, непонятной, дикой и агрессивной.

Самодержавный царизм сразу же столкнулся с такой парадоксальной ситуацией. Его историческая эволюция была напрямую связана с необходимостью культурно-политической адаптации к предубеждениям западных государств. С другой стороны, он должен был политически и институционально «переварить» *новгородский комплекс* как психическую и ментальную издержку Древней Руси. Фактически русский вариант самодержавия стал следствием психоисторического компромисса между *внешним комплексом превосходства* (заимствованным у Запада), в свете которого Русь выглядела хронически недоразвитой и дикой страной, и *внутренним комплексом вины (комплексом неполноценности)* за разгром существовавшей некогда новгородской вольницы. Показательно, что российское самодержавие, особенно в его зрелых формах, бессознательно сделало выбор в пользу адаптации к *западному комплексу превосходства*, каждый раз, из века в век, пытаясь убедить европейских соседей в том, что Россией можно вести равноправный, цивилизованный диалог.

Как показывает история, диалога не получилось и до сегодняшнего дня, а комплекс превосходства не только не исчез, а лишь усугубился, приобрел все более реакционные формы. В то время как на внешнеполитической арене царизм пытался убедить всех в своей договороспособности и союзнической надежности, внутри страны диалогичность не допускалась ни в какой форме. В результате чего пространство державы превратилось в столицу, со всех сторон окруженную, по выражению В. Пикуля, «заворками Великой Империи».

Разметив, таким образом, всю подвластную ему территорию, российское самодержавие оказалось пленено бессознательной логикой *западного комплекса превосходства*. Его психоисторическая сущность заключается в воспроизведении колониального отношения империи к своему внутреннему пространству как исторически захваченному и эксплуатируемому во всех отношениях конгломерату разновеликих и разноразличных территорий. Бессознательно заимствуя *западный комплекс превосходства*, российская власть практически полностью *вытеснила новгородский комплекс*, посчитав уроки новгородской республики политически ошибочными и имперски незначимыми. Так, Новгород, сохраняющий «черты культуры, присущие древнерусским городам, и, подобно им, пал жертвой отработанного близорукого эгоизма» [11].

В то же время существовала и еще одна внешняя сила, которая предопределила формирование психоисторического профиля российского самодержавия. Необходимость взаимодействия с Западом была не единственной насущной проблемой русской ментальности. Географическое положение России обусловило затяжную борьбу за самоопределение также с восточными и южными соседями. Конечно же, среди наиболее значимых событий в нашей истории является многовековое противостояние с татаро-монгольскими завоевателями. Именно татары и другие степняки в силу своего соци-

ально-политического уклада оказали неоспоримое и всеобъемлющее влияние на отечественную культуру, язык и в особенности на политическую традицию. «Постепенно, особенно на территориях значительно пострадавших от захватчиков, берет верх патриархальная тенденция, распространяющаяся как на уровне повседневности, так и среде официальной власти и социальных институтов» [12]. Агрессивные набеги и захваты исконных славянских территорий татаро-монголами и их многовековое господство обусловили специфику ментальных оценок русским человеком самого себя в сложившихся исторических условиях, которые позволили русским людям осознать смысл и направленность происходящих трагических событий.

Именно татаро-монголы были причиной формирования достаточно жесткой, а иногда и откровенно тиранической модели княжеского правления. Порою казалось, что даже сами захватчики были местами более лояльными к коренному населению, нежели собственные князья и наместники. В связи с этим неудивительно, что на протяжении нескольких веков осью русской ментальности становится *комплекс «раба–господина»* [13], и именно страдание выступает сущностью коллективного бытия русского человека на протяжении десятков поколений. Поразительно, но управленческая модель, складывавшаяся в Московском государстве, постепенно оборачивается повсеместной и не менее жестокой, чем под иноземным игом, эксплуатацией собственного коренного населения. В этой властной стратегии, становящееся московское самодержавие охотно заимствует принципы завоевания и последующего эффективного управления громадными территориями у татаро-монголов. Их империя показала жизнеспособность подобной модели организации разнородного социального и географического пространства, в отличие от московских князей, которые уже при первых попытках присоединения удельных русских княжеств испытывали значительные организационно-управленческие проблемы. И до тех пор, пока московская элита не ассимилировала татаро-монгольскую модель имперской организации и управления, ее усилия по собиранию русских земель оказывались неудачными. Фактически, именно татаро-монголы, а затем и крымские татары, равно как и иные «степняки», с которыми непрестанно воевала Московская Русь, явились выдающимися «учителями», исторические уроки которых и позволили сформировать привычный профиль российского самодержавия.

Так, *комплекс «раба–господина»* трансформировался в комплекс *«учителя–ученика»*, с одной лишь оговоркой – «ученик» испытывал благоговейное отношение к «учителю», однако так и не смог справиться со всеми его наставлениями. Молодое Московское государство, как еще не вполне опытный «ученик», не всегда справлялось с поставленными задачами и геополитическими вызовами. Вполне объяснимая историческая слабость перед «западным» и «новгородским» комплексами обусловила психическую неуверенность и уязвимость Москвы на западном и северном направлениях, но зато обеспечила явный крен ее устремлений в сторону Азии. И если в течение нескольких столетий на западном направлении Московское самодержавие фактически «топталось на месте», то именно восточный вектор противостояния с татарскими правителями оказался решающим в реализации его геополитических амбиций.

На практике это означало, что московский «ученик» добивался в этом направлении хоть и трудных, но выдающихся достижений. Подобная ситуация продолжала формировать и усиливать бессознательное чувство восхищения перед мощью Орды-империи, которая была одним из основных врагов Руси, даже после ее окончательного распада. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что присутствие степного «следа» в московском самодержавном комплексе является неоспоримым психоисторическим фактором как его фактического зарождения, так и последующего социокультур-

ного и институционального развития. Предположительно, именно общение княжеской элиты с татаро-монгольскими ханами в конечном итоге и привело к появлению у московской знати устойчивого психического комплекса, который очень удачно обозначил в своей работе знаменитый социолог Т. Веблен.

Речь идет об абсолютно бессознательном в своей основе и конкретных социокультурных и бытовых проявлениях *комплексе «завистнического сравнения»* [14], который обнаружил этот ученый при изучении способов формирования и институциональной организации европейских элит. Это бессознательное противоречие было настолько сильным, что московская княжеская аристократия, в условиях отсутствия сильного в экономическом, политическом и военном отношении централизованного государства, была вынуждена сублимировать этот психоисторический конфликт в форму рационализированной, православно адаптированной идеологии. В ней также парадоксальным образом была сублимирована и кочевая модель управления геополитическими пространствами, принудительно наложенная на традиционный, земледельческий, общинно-родовой уклад Древней и Средневековой Руси. Все это свидетельствовало об активном освоении «степного» комплекса как непосредственно правящей элитой, так и широкими слоями населения, на плечи которого пришлось и основные тяготы ордынского завоевания, и параллельное формирование административно-бюрократического аппарата собственной страны. А последующие геополитические успехи московских правителей XV–XVI веков лишь подтверждают факт сублимации комплексов неполноценности и завистнического сравнения по отношению к татарским захватчикам и более или менее успешную трансформацию этих устойчивых бессознательных противоречий в сакрализованную православием доктрину московского самодержавия. Таким образом, именно пассионарное влияние на Московскую Русь исторического опыта Золотой Орды предопределило стратегию московской элиты, которая предпочла «завистнически» *сублимировать «степной» комплекс*, окончательно проигнорировав как социокультурные уроки, так и историческую перспективу «новгородского» комплекса.

Вот уже на протяжении нескольких столетий не утихает полемика «славянофилов» и «западников» о путях развития России, о ценности родного языка и культуры. Показательно, что славянофилы исторически настаивали на насущной потребности актуализировать для этих целей преимущественный потенциал отечественной культуры и требовали отказаться от слепого заимствования и механического перенесения на русскую почву иноземных языковых шаблонов и культурных клише. Так, А.С. Хомяков в своей программной статье «О старом и новом» в 1839 году писал: «Мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени» [15].

В отличие от них, западники видели в моде на вестернизированную «иностранину» единственный для России выход повышения ее культурного и цивилизационного уровня и надежный способ придания культуре большего динамизма за счет понимания того, что «весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. [...] Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город – внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы.

Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостию, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими независимыми властями» [16].

В этом ключе дискуссия западников и славянофилов является ни чем иным как историко-идеологической формой конкуренции бессознательных комплексов: новгородского комплекса неполноценности и западного комплекса превосходства. Поскольку подобная полемика до сих пор актуальна на уровне современных политических практик, данные комплексы и поныне остались действующими, а значит, так и неосвоенными. В то время как степной комплекс, веками оказывая свое действие на отечественную ментальность, так никогда и не знал дискуссий по поводу опасности своего «ползучего» влияния на ее основы. Если заимствованные западные языковые аналогии мы все же отличаем, то в случае с «врастанием» в русский менталитет «степных» языков и традиций современный средний россиянин даже не отдает себе отчета о масштабах подобных заимствований и проникновений. Это исключительно говорит о том, что степной комплекс имеет для отечественной ментальности другой характер, а все связанные с ним феномены, автоматически ассимилируются и принимаются бесконфликтно, как естественные и родные. Такая практика оказалась возможной лишь в том случае, когда исходящие от этих этносов установки воспринимались как универсальные образцы и примеры беспрекословного подчинения.

Степной комплекс завистнического сравнения определил характер полного бессознательного отождествления с культурой захватчиков, находившейся, в силу своей кочевой природы, на гораздо более низком уровне развития. Бессознательно завидуя кочевой предприимчивости, сплоченности, организованности и масштабности действий, становящаяся русская элита, по сути, попыталась воспроизвести эти качества на уровне «собственных» моделей управления коренным славянским этносом. И это в то время, когда практически любые западные культурно-цивилизационные образцы всегда становились предметом открытых и затяжных дискуссий. К тому же сублимация *степного комплекса* осуществлялась преимущественно на бытовом уровне, что обеспечивало естественные, неконфликтные формы ассимиляции отдельных проявлений кочевой ментальности на древнерусской почве. Напротив, западный *комплекс превосходства* институционально развивался на фоне религиозных дискуссий о правильности веры. Именно поэтому *западный комплекс превосходства* в отечественной ментальности постоянно трансформировался в беспредметные спекулятивные дискурсы: от мелкого бытового неприятия отдельных вещей или норм поведения до глобальных религиозных дискуссий по поводу символов веры. Таким образом, отечественная ментальность постепенно трансформировалась под параллельным влиянием *степного* и *западного* комплексов как «своего» и «чужого». При этом свой собственный *новгородский комплекс неполноценности* был практически полностью вытеснен, превратив ментальное пространство в арену конкуренции изначально чуждых социокультурных практик.

Необходимо отметить, что в результате получился сложный и необычайно устойчивый психический конгломерат, который при определенной технологии воспроизводства оказался по уровню эффективности управления на порядок выше, нежели его исторический «татарский» прототип. Опыт XX века, свободного от самодержавных утопий, тем не менее продемонстрировал, что конфликт между *западным комплексом превосходства*, к которому адаптировался российский царизм, *новгородским комплексом вины*, продолжающем существовать в вытесненных формах, а также *«степным» комплексом завистнического сравнения* никуда не исчез. Он и сегодня остается острым и нерешенным, о чем свидетельствуют актуальные внутренние противоречия между Центром и Регионами, провоцирующие сохранение и усугубление социальной напряженности [17].

Обозначенный выше конфликт бессознательных комплексов, содержащихся в русской самодержавной ментальности, с течением времени не просто не исчез, а приобрел характер устойчивых политических стратегий, в рамках которых, с одной стороны, воспроизводится историческая логика разворачивания идеологии централизованного государства, а с другой – отражается многовековая психодрама вытеснений и сублимаций традиционного уклада и отечественной культуры. Она является результатом, в том числе, и опыта разрешения бессознательных противоречий, которые формировались в тех или иных исторических обстоятельствах.

Показательно, что в реалиях Московской Руси этот конфликт комплексов изначально объективируется в двух формах: внешнеполитической и внутриполитической. И если во внешней политике идеологические стратегии московского, а затем и российского самодержавия, неизбежно связывались с необходимостью примирения с соседями, как на Западе, так и на Востоке, то внутри государства мы обнаруживаем иные идеологические приоритеты. Здесь конфликт комплексов нашел наиболее простую и архаическую форму своей реализации: адекватной реакцией на агрессию должна быть лишь агрессия. Только в нашем случае любая внешнеполитическая агрессия неизменно сублимировалась московским самодержавием в форму внутренней агрессии, субъектом которой оно и является. Это приводит к превращению российской власти «в мощный репрессивный инструмент подавления, а население становится заложником имперского волюнтаризма, постоянно вытесняя в маргинальные пространства инициативу, самостоятельность, творчество и свободу» [12].

Таким образом, насилие по отношению к собственному народу выступало для русского самодержавия устойчивой формой бессознательной компенсации различных внешнеполитических рисков и угроз. Всякий раз, развязывая очередную необъявленную войну против народа, московское самодержавие преодолевало новую порцию доктринальных и ментальных противоречий, порождаемых конфликтом вышеупомянутых комплексов, которые «загоняют человека «в состояние принуждения, навязчивого мышления и действия» [2]. А масштаб его геополитических амбиций отражает динамику эскалации вытеснения родовых и общинных способов жизни.

Другими словами, огромная территория нашей страны отчасти является формой компенсации «отцовского» потенциала бессознательных конфликтов российской власти, которые лишь усугублялись на протяжении веков. В России «мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного. [...] Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне. С этим связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы нерусским, заграничным, западноевропейским, французским, немецким или греческим в старину. Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность. Возвращение к собственной почве, к своей национальной стихии так легко принимает в России характер порабощенности, приводит к бездвижности, обращается в реакцию. Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею» [18]. Именно в таком ракурсе Николай Бердяев видел парадоксы отечественной ментальности.

В то же время агрессивная форма коммуникации власти с собственным населением не только позволяла самодержавию поддерживать социальный порядок, но и на каждом новом витке агрессивного противостояния активизировать государственно-бюрократическое строительство [19]. И сегодня мощь административного аппарата российского государства является неизбежным следствием целой исторической традиции

разрешения психодрамы российского самодержавия. Государственный патернализм, таким образом, выступает наиболее эффективной формой реализации символической потребности российской ментальности в самовластной сублимации архетипа Отца [20]. Именно поэтому, российское общество до сегодняшнего дня подчинено логике существования государственных институтов, тогда как на протяжении жизни многих поколений остаются совершенно невостребованными как сам человек с кругом его насущных потребностей, так и связанная с ним совокупность общественных отношений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «"Материнский" Новгород и "отцовская" Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности», № 16-13-53001.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М.: Наука, 1989. – С. 75–89.
2. Юнг К.Г. Структура и динамика психического. – М.: Когито-Центр, 2008. – 480 с.
3. Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 1. – № 1 (3). – С. 60–79.
4. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / под общ. ред. В. Зеленского. – М.: Ювента, 1996. – 368 с.
5. Маленко С.А. Языческая и православная символизация матриархальных образов святости в новгородской софийной ментальности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 14–19.
6. Де Моз Л. Психоистория. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 512 с.
7. Kligerman Ch. The Character of Rousseau // Psychoanalytic Quarterly. – 1955. – V. 20. – P. 56–67.
8. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 328 с.
9. Юнг К.Г. Диагностируя диктаторов (интервью, взятое у К. Г. Юнга Х. Никербокером в 1938 г.) // В кн.: Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / под общ. ред. В. Зеленского. – М.: Ювента, 1996. – С. 344–361.
10. Ильин И. Мировая политика Русских Государей. Т. 1. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 515 с.
11. Гумилёв Л.Н. Эхо Куликовской битвы // Огонек. – 1980. – № 3. – С. 16–17.
12. Некита А.Г. Идеологические трансферы в истории русской ментальности: сублимация софийного матриархата в имперском патриархате // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 20–25.
13. Benjamin W. Theses of the *Philosophy* of History // Illuminations. – New York: Schocken Books, 1969. – 278 p.
14. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
15. Хомяков А.С. О старом и новом // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 4. – С. 174–175.
16. Киреевский И.В. Ответ А.С. Хомякову (1839 г.) // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – С. 130–141.
17. Levin T. Psychoanalysis and Social Change // The Psychoanalytic Review. – 1967. – V. 54. – № 68. – P. 24–51.
18. Бердяев Н. Душа России. Опыты о психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
19. Lifton R. Thought, Reform and Psychology of Totalitarianism. – N-Y.: W.W. Norton & Company, 1961. – 510 p.
20. Бевзенко Л. Архетипы и социальная организация // Генеза. – 1995. – № 1 (3). – С. 52–59.

REFERENCES

1. Gurevich A.Ya. Problema mentalnostey v sovremennoy istoriografii [The problem of mentalities in modern historiography]. *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody*. Iss. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989. pp.75–89.
2. Yung K.G. *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [Structure and dynamics of mental]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2008. 480 p.

3. Rozov N.S. Dinamicheskaya kontseptsiya mentaliteta i izmenchivoe raznoobrazie rossiyskikh gabitusov [The dynamic concept of mentality and variable diversity of Russian habitus]. *Idei i idealy*, 2010, vol. 1, no. 1 (3), pp. 60–79.
4. Odaynik V. *Psikhologiya politiki. Politicheskie i sotsialnye idei Karla Gustava Yunga* [The psychology of politics. Political and social ideas of Carl Gustav Jung]. Ed. by V. Zelensky. Moscow, Yuventa Publ., 1996. 368 p.
5. Malenko S.A. Yazycheskaya i pravoslavnyaya simvolizatsiya matriarkhalnykh obrazov svyatosti v novgorodskoy sofiynoy mentalnosti [Pagan and Orthodox symbolism of matriarchal ways of Holiness in the Novgorod Sophist mentality]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»*, 2017, vol. 17, Iss. 1, pp. 14–19.
6. De Moz L. *Psikhoistoriya* [Psychohistory]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2000. 512 p.
7. Kligerman Ch. The Character of Rousseau. *Psychoanalytic Quarterly*, 1955, vol. 20, pp. 56–67.
8. Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow, Ayris-Press Publ., 2010. 328 p.
9. Yung K.G. Diagnostiruya diktatorov [Diagnosing the dictators] (intervyu, vzyatoe u K.G. Yunga X. Nikerbokerom v 1938 g.). Odaynik V. *Psikhologiya politiki. Politicheskie i sotsialnye idei Karla Gustava Yunga* [Psychology of politics. Political and social ideas of Karl Gustav Young]. Moscow, Yuventa Publ., 1996. pp. 344–361.
10. Ilin I. *Mirovaya politika Russkikh Gosudarey* [The world policy of Russian Rulers]. Moscow, Ayris-press Publ., 2008. Vol. 1, 515 p.
11. Gumilev L.N. Ekho Kulikovskoy bitvy [The echo of the battle of Kulikovo]. *Ogonek*, 1980, no. 3, pp. 16–17.
12. Nekita A.G. Ideologicheskie transfery v istorii russkoy mentalnosti: sublimatsiya sofiynogo matriarkhata v imperskom patriarkhate [Ideological transfers in the history of the Russian mentality: sublimation Sophist of matriarchy in the Imperial Patriarchate]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»*, 2017, vol. 17, Iss. 1, pp. 20–25.
13. Benjamin W. Theses of the *Philosophy of History. Illuminations*. New York, Schocken Books, 1969. 278 p.
14. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of idle class]. Moscow, Progress Publ., 1984. 368 p.
15. Khomyakov A.S. O starom i novom [On the old and new]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2008, no. 4, pp. 174–175.
16. Kireevskiy I.V. Otvet A.S. Khomyakovu (1839 g.) [Reply to A.S. Khomyakov]. *Russkaya ideya. Sbornik proizvedeniy russkikh mysliteley*. Moscow, Ayris-Press Publ., 2002. pp. 130–141.
17. Levin T. Psychoanalysis and Social Change. *The Psychoatristic Review*, 1967, vol. 54, no. 68, pp. 24–51.
18. Berdyaev N. *Dusha Rossii. Opyty o psikhologii voyny i natsionalnosti* [The Soul of Russia. Experiments on psychology of war and nationality]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR Publ., 1990. 240 p.
19. Lifton R. *Thought, Reform and Psychology of Totalitarianism*. N-Y., W.W. Norton & Company, 1961. 510 p.
20. Bevzenko L. Arkhetipi i sotsialna organizatsiya [Archetype and social organization]. *Geneza*, 1995, no. 1 (3), pp. 52–59. In Ukr.

Дата поступления 20.10.2017